

Мухтар Сейтжанов

*Средневековые
дворцы
и поселения
Улытау*

*Посвящается 800-
летию образования
Улуса Жошы*

Мухтар Сейтжанов

**Средневековые дворцы
и поселения Улытау.
Посвящается 800-летию
образования Улуса Жошы**

«Издательские решения»

Сейтжанов М.

Средневековые дворцы и поселения Улытау. Посвящается
800-летию образования Улуса Жошы / М. Сейтжанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501601-0

Окунитесь в мир средневековых номадов и ознакомьтесь с архитектурным ренессансом Улытау. Книга расскажет о событиях, происходивших в центре Великой степи и сыгравших судьбоносную роль в истории многих народов Евразии. Речь пойдёт о ставках-ордах или резиденциях правителей, распространивших своё политическое влияние на всём пространстве традиционной цивилизации номадов. Книга будет полезной для читателя, желающего узнать об архитектурном наследии средневекового Улытау.

ISBN 978-5-00-501601-0

© Сейтжанов М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Глава I. Предпосылки для возникновения в Улытау городищ раннего средневековья	18
Глава II. Природно-климатические условия для развития хозяйственной деятельности человека в Улытауском крае	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Средневековые дворцы
и поселения Улытау
Посвящается 800-летию
образования Улуса Жошы**

Мухтар Сейтжанов

© Мухтар Сейтжанов, 2021

ISBN 978-5-0050-1601-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДВОРЦЫ И ПОСЕЛЕНИЯ УЛЫТАУ

Посвящается 800-летию образования Улуса Жошы (Джучи)

*Все права защищены. Ни одна часть книги не может быть
опубликована без согласия автора.*

Введение

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

...Сказал пророк (да будет мир над ним): «Радость в сердце правоверного лучше, чем служение сакалайнов».

Смысл [этого] таков: если кто-либо порадует сердце мусульманина, то награда ему будет выше той награды, которая полагается за служение Богу всем чадам адамовым и джинам. Итак, сердца скольких тысяч людей возрадуются, когда в том, что я скажу, узнают то, чего они не знали! Уповаю на Всевышнего, что, – если то побоище и будет сочтено [мне] за грех, – то награда за это [благое дело – сочинение книги] превысит его. И еще, если кто-нибудь когда-нибудь, прочитав эту книгу, узнает то, что он [прежде] не знал, пусть прочтает по нашей душе Фатиху.»

Абу-л-Газы. «Родословная туркмен».

Эта работа является попыткой автора внести ясность в дискуссионные темы относительно изучаемых объектов. В этой книге мы надеемся открыть для читателя новые стороны отечественной истории, которые доселе не были известны, либо затаились в научных изданиях. Речь в книге пойдет о дворцах и поселениях, существовавших в средневековье в самом сердце нашей Родины – в Улытау!

Материальные ценности истории, дошедшие до нас, являются наследием предков, народов и государств, проживавших и функционировавших на нашей земле и при которых были созданы эти творения. Одними из таких уникальнейших достояний материальной культуры являются дворцы (сарай), городища и поселения средневековья, расположенные в Улытау.

Великие горы Улытау. (Фото автора).

Когда мы говорим об Улытау, то обозначаем всю низкогорную цепь Западной Сары-Арки, соединяющую три части горного скопления – Арганаты¹, Улытау и Кишитау². Улытау –

¹ Арганаты – горная цепь на севере Улытау, протяженностью в 80 км с севера на юг, шириной в 20—25 км. Самая высокая точка – гора Домбагул (757 м). Из склонов Арганаты берут начало реки Караторгай, Сарыторгай, Каракенгир, Терисаккан,

это самый древний по возрасту в Казахстане горный массив, занимающий западную часть Карагандинской области. Основное горное тело состоит из голого и скалистого гранита, расчлененного ущельями, где, преимущественно весной, действуют водостоки. На склонах, богатых подземными хранилищами талой воды, встречаются березовые и тополиные рощи. Протяженность Улытау с севера на юг составляет примерно 200 км. Самая высокая точка – гора Аулиетау (Акмешит) (1131 м). Географически Улытау тянется от верховьев реки Терисаккан³ на севере до озера Теликоль⁴ на юге, от верховьев реки Улы Жыланшик⁵ на западе до среднего течения реки Сарысу⁶ на востоке.

Если географически Улытау ограничен в определенной горным массивом территории, то историко-политическое значение Великих гор распространяется на огромные пространства Евразии. Улытау определяет ту значимость политической власти, которую на эти просторы распространяли номады в средние века. Отсюда начинали свой путь сакские племенные объединения, заселившие Европу. Здесь пронеслись полчища гуннов, стремившихся найти своё место в степи, которая угасала вследствие Великой засухи. Улытау стал прибежищем для правителей Тюркских каганатов. Отсюда в украинские степи ушли кангаро-печенеги, притесняемые огузами. Улытау стал политическим центром Кимекского каганата, Кыпчакского ханства и, наконец, чингизидов. Здесь Шынгыс каан в 1223 году определил ставку самого большого Улуса Жошы.

Улытауский край Карагандинской области Республики Казахстан имеет особое место в исторической науке в свете изучения событий, происходивших на протяжении средних веков истории человечества. Улытау в устах историков славится богатой информационной и материальной кладовой времен кангаро-печенежского, огузо-кыпчакского, акординского и казахского периодов истории Великой степи. Это было местом, где консолидировалась степная власть, контролировавшая транзит товаров, которые везли торговцы по Сырдарье в Сибирь и обратно.

Научное и летописное изучение Улытау происходило на всем протяжении мировой историографии, начиная от Геродота⁷ и Страбона⁸ до археологических изысканий на современном этапе. Древнегреческие историки оставили ценные сведения о саках-исседонах, погребальные царские курганы которых красуются сегодня на западных отрогах Улытауских гор. В советской

Бозай, Кайынды и множество их притоков. Среди возвышенностей гор расположены озера Косколь, Камыстыколь, Баракколь, Курколь, Басбайтал. Горы богаты большим количеством родников и оазисами березовых и тополиных рощ. В горах Мык, Домбагул, Айыршоки сохранились каменные изваяния тюрков и их курганы, золотые прииски древних рудокопов. В южной части Арганаты на горе Ешкиольмес имеются большие запасы асбеста.

² Кишитау – горная цепь южной части гор Улытау. Протяженность горы с севера на юг составляет более 120 км, а ширина – 6–8 км. Абсолютная высота самой высокой точки горы – 793 м. Состоит из складок протерозоя. С гор берут начало реки Дулыгалы, Жыланшик, Кумола, Бала-Жезды.

³ Терсаккан – река бассейна Есиль, берущая начало в горах Аргыканаты. Длина – 334 км, площадь сбора воды – 19500 км². Главные притоки – Бала Терсаккан, Ащылы, Шабдар, Кокпекты, Кайракты. Русло реки в верхней части достигает 3–5 км, извилистое. Пополняется талой и дождевой водой. Плеса подпитываются подземными источниками. Вода пресная, с небольшим привкусом, но пригодная к питью. Вода и луговые пастбища в русле реки используются в животноводческих целях.

⁴ Теликоль – озеро в низовьях реки Сарысу. Наполняется во время весеннего половодья водами этой реки, а летом пересыхает. Половодье в начале апреля переливает озеро и воссоединяет его с Сырдарьей.

⁵ Улы Жыланшик – река бассейна Торгай, берущее свое начало с западных отрогов горы Улытау. Длина – 426 км, площадь сбора воды – 2600 км². Два крупных притока Жыланшик и Дулыгалы несут воду в общее русло реки и она впадает в озеро Акколь. Вода в реке пресная, пригодная к питью. Река используется в качестве водопоя и пастбища для скотоводческих хозяйств.

⁶ Сарысу – река, протекающая по территории Карагандинской и Кызылординской областей. Своё начало берет в горах Бугылы и впадает в реку Сырдарья. Длина – 800 км, площадь сбора воды – 81–99 тысяч км², среднегодовая скорость течения 0,7 м/с. Река накапливает запас Чуйско-Сарысульской подземной артезианской воды. Притоки – Жаман Сарысу, Жаксы Сарысу, Атасу, Кенгир.

⁷ Геродот – древнегреческий историк, «Отец истории». После себя оставил труд «История», где можно почерпнуть ценные сведения о саках, в том числе, проживавших на территории Центрального Казахстана.

⁸ Страбон – античный историк и географ Римской империи. Автор «Географии» в 17 книгах, которая служит лучшим источником для изучения географии древнего мира.

историографии исседоны известны под этнонимом «чудь». Об Улытауских огузах⁹ и кыпчаках¹⁰ писал Мухаммед аль-Идриси.¹¹

В то же время, в период чингизизма Улытау становится своего рода запретной зоной, куда не допускались чужестранцы. Мы не встречаем никаких свидетельств о жизни и нравах Улытау, как орды или центра Улуса Жошы в трудах таких средневековых путешественников и миссионеров католицизма, как Вильгельм Рубрук,¹² Плано Карпини¹³ и Марко Поло.¹⁴

И только во время эмира Темира об Улытау начинают писать среднеазиатские летописцы. О походах в казахскую степь отважного узбека Абдаллаха и эмира Темира писали шашские и самаркандские летописцы. Об Улытау, «который известен» пишет Ау-л-Газы. Подробную генеалогию джучидов мы черпаем у Кадыргали Жалаири.

С усилением московского государства и расширением империи Романовых, в Улытау зачастили посольства и военные экспедиции, которые внимательно изучали географию, историю, традиции и быт местных жителей. Особенно при Петре I начался сбор археологического материала с «окраинных земель», в том числе и с Казахии. Этот процесс шёл на фоне грабительских раскопок «курганников», не имеющих никакого отношения к археологии и преследовавших единственную цель – нажиться золотыми артефактами. «Уже в январе 1716 года от М. П. Гагарина поступила коллекция золотых вещей: бляхи с изображением львов и других зверей. В декабре поступила ещё одна партия золотых предметов». (Руденко, 1962, с. 11).

Богатый материал об Улытау мы получаем из дневника капитана Н. П. Рычкова, написанного во время его путешествия в 1771 году, находившимся в составе карательных войск, направленных в погоню за волжскими торгоутами.

Откровенно разрушительным для привычной для нас историографии по чингизизму является труд Я. П. Гавердовского «Обозрение киргиз-кайсацкой степи», изданный в 1804 году, где роль Улытау выступает в совершенно ином свете трактовки истории империи Шынгыс каана.

Сведения о памятниках долины реки Караторгай и гор Аргыканаты оставил А. Гейнс, статья которого была опубликована в 1898 году и посвящена результатам его экспедиции.

⁹ Огузы – раннесредневековые тюркские племена, жившие до 70-х годов VI века в Монголии. Первые сведения об огузах встречаются в тюркских рунических письменах. Во время расширения территории Тюркского каганата, огузы расселились в Центральном Казахстане. В VII веке стали одним из основных племен Западно-Тюркского каганата. В это время появляются этнонимы «сегиз-огуз» (монг. – «найман»), «тогыз огуз». В VII – X веках зимовки огузов располагались в южных частях гор Улытау, в среднем течении реки Сырдарья и северном Приаралье, а летние кочевья охватывали весь бассейн реки Сарысу до северных отрогов Улытау и на востоке доходили до гор Бугылы. Основное хозяйство огузов – кочевое скотоводство. Были сильно развиты металлургия и города-крепости, такие как Хиам (Баскамыр), Нуджах (Ногербек), Бадагах (Хан Орда), Дарку (Домбагул) и другие. В состав огузов входили канлы, кыпчаки, карлыки, калашы. Основной ставкой джабгу (глава государства) позже стал город Янгикент в низовьях Сырдарьи.

¹⁰ Кыпчаки – тюркоязычное автохтонное племя, населяющее Торгайское плато, начиная с западных отрогов гор Улытау. Первые сведения о кыпчаках встречаются в китайских источниках, где они упоминаются в составе государства Куннов (гунны, хунну, сюнну) в Монголии. В письменах Тоньюкок и Бильге каганов кыпчаки показаны под этнонимом «сир». Только с 735 года они выходят на политическую арену Кимекского каганата под этнонимом кыпчак. В XI в. в борьбе за власть в каганате кыпчаки свергли династию кимеков и образовали свое ханство, распространив свою власть от Алтая до Днестра. Все народы, вошедшие в состав Кыпчакского ханства, стали называть себя кыпчаками. Кыпчаки состояли из двух этнических групп племен: 1) 11 племен западных кыпчаков – ельборили, тогызоба, йетиоба, дурут и другие; 2) 16 племен восточных кыпчаков – восемь основных и восемь мелких племен. Основное хозяйство – кочевое скотоводство.

¹¹ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Мухаммад аль-Идриси (1100, Испания, Сеута – 1165) – арабский географ, картограф, египтолог, историк, ботаник, автор географического сочинения, написанного по инициативе короля Сицилии Рожера II в 1154 году.

¹² Гильом де Рубрук – фломандский монах-францисканец. В 1253—1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие в империю Шынгыс хана. По возвращении по материалам отчета о поездке написал книгу «Путешествие в восточные страны».

¹³ Джованни Плано Карпини – итальянский францисканец, первым из европейцев посетивший империю Шынгыс хана и оставивший описание своего путешествия.

¹⁴ Марко Поло – итальянский купец и путешественник, представивший историю своего путешествия по Азии в «Книге о разнообразии мира».

Описания археологических объектов Улытау оставил инженер А. П. Шренк, а в дневнике П. К. Услора мы находим записи о курганах, расположенных в предгорьях Улытау и по течению реки Кенгир.

Историческая топография А. И. Левшина, записки М. Красовского, материалы Ш. Уалиханова являются бесценными источниками для исследователей Улытауского региона. Многолетний труд А. Маргулана, материалы об изысканиях К. Сатбаева, археологические сведения Ж. Смаилова стали базовым материалом в работе над книгой.

Но при этом, во время изучения средневековых летописей и других источников по теме раннего средневековья или чингизизма, мы часто наталкиваемся на весьма странное игнорирование упоминания Улытау в повествовании событий той эпохи советскими и современными исследователями. Да и многие средневековые летописцы, говоря о местонахождении отдельных исторических героев, ограничивались упоминанием огромного пространства под названием Кыпчак или Дешт-и Кыпчак. Подробного же местонахождения тех событий или исторического героя мы часто не находим.

Может быть для сторонних исследователей обход исторических фактов по Улытау является закономерностью, но для нас принципиально важным является определение для памятников региона достойного места как в отечественной, так и в мировой историографии. Освещение роли Улытау как политического центра огузских джабгу, кыпчакских ханов и беков, а также, в особенности, чингизидов, их роль в формировании степных государств и является главной целью данной работы.

Тем более, начиная с 1928 года трансформация историографии была прервана началом сталинской форматизации исторического сознания казахов. Религиозное воспитание стало вытесняться атеизмом, духовные и материальные ценности стали скрытыми атрибутами жизни, историческая наука стала послушной слугой большевистской идеологии и многие научные изыскания казахских историков, показывавших реальную картину истории Казахстана, были объявлены лженаучными трудами с «националистическим уклоном».

Главной целью сталинской историографии было формирование предпосылок для искоренения исторической памяти тюркских народов и генетического вычёркивания из самосознания былого величия кочевой цивилизации. Этот процесс происходил разносторонне, с применением методов насильственного насаждения классовой борьбы, преследованием «инакомыслящих националистов» и сгоном исследовательской среды в жёсткие рамки идеологического прессы.

Поколения 1930-40-х годов еще успели перенять хоть какие-то ценности от предыдущих носителей исторической информации, чудом оставшихся в живых после голодоморов 1920-х и 1930-х годов, а также массовых репрессий, проводимых на протяжении всего периода сталинской тирании. А вот поколение 1950—60 годов окончательно впитало советскую идеологию в призму духовного развития и, именно они в годы Независимости переживают болезненный процесс модернизации исторического сознания. И мы надеемся внести скромный вклад в процесс восполнения утраченной в период идеологического диктата логики отечественной историографии.

При работе над книгой было выбрано направление раскрытия полной картины о великолепных для степного ареала дворцах и городищах западной части бассейна реки Сарысу, которые выделялись на фоне нулевой урбанизированности степи, как атрибут власти, регулировавшей политические отношения в кочевых государствах.

Идея данной темы зародилась по завершению работы редакционного совета над книгой «Улытау. Улытау ауданы» энциклопедия¹⁵, в составе которого автор этой книги написал более 500 статей на исторические, географические, автобиографические и этнографические темы.

¹⁵ «Улытау. Улытау ауданы» энциклопедия. «Кәусар», Астана. 2018.

Процесс сбора, редактирования и окончательного написания статей на исторические темы в энциклопедии, привел нас к выводу о том, что археологические данные об Улытауских дворцах огузо-печенежского и акординского периодов указывают и доказывают основополагающую и фундаментальную роль нашего региона в становлении и формировании государства Огузов, Кыпчакского ханства и Улуса Жошы (Улуг Улуса).

В то же время в энциклопедии невозможно полно и масштабно отобразить всю проблематику по отношению к тому или иному памятнику истории. Энциклопедический стиль написания книги преследует цель всестороннего освещения информации посредством накопления в сборнике коротких статей без подробного анализа тематики. Поэтому было принято решение написать целый монографический труд по теме археологических памятников средневековья.

Улытау, в призме исторического наследия Казахстана, по нашему мнению, должен рассматриваться в свете политического центра средневековых государств. Обособляя ставки орды от других историко-археологических памятников Улытау в отдельную группу архитектурно-материальных ценностей, мы преследуем цель обозначить роль этих памятников, как основополагающую особенность в трактовке исторических процессов в регионе и их влияния на формирование и развитие средневековых кочевых государств Великой степи. Тем не менее, в этой книге мы не обошли стороной и другие памятники, которые по праву достойны упоминания в ряде объектов, играющих главную роль в нашем повествовании.

На основе этого вывода сложилась закономерная цель собрать в цепочку и осветить в книге все дворцы и поселения, с подробным описанием и подкреплением их историческими источниками. Поэтому и было принято окончательное решение начать работу по детальному изучению дворцов и поселений средневекового Улытау, с указанием их важности в формировании политической, экономической и социально-культурной жизни региона.

Источники по нашей теме разнообразны и, из-за недоступности некоторых классических средневековых трудов и отсутствия перевода на казахский или русский языки, мы ограничились на те факты, которые отражены в трудах видных деятелей времен имперской, советской и современной казахской историографии. Но общего недостатка документальных источников при работе над книгой мы не ощутили и, те труды, которые были на руках и в сети интернет, вполне убедительно раскрыли цель нашей темы.

Как писал Баубек Булкышев¹⁶, *«для того, чтобы писать, надо много прочитать»*. Основные идеи нашей книги сформировались на протяжении многих лет посредством изучения той литературы, список которой мы, согласно историографической традиции, приводим в конце. Ибо никакой исторический труд не сможет обойтись без ссылок на работы ученых разных эпох. В работе над книгой мы возвратились на страницы этих трудов, чтобы вспомнить отдельные моменты и акцентировать сфокусированные темы в ссылках.

¹⁶ Баубек Булкышев – поэт, писатель, военный публицист. Родился в 1916 году в западных предгорьях Улытау. В 1930 году работал учетчиком молочной фермы Улытауского совхоза. В 1932 году учился в Карсакапайской школе фабрично-заводского обучения. В том же году, из-за массового голода погибли его родители и он воспитывался у дяди Сейтжана Смаиулы – сельского учителя сёл Улытау и Коргантас. В 1937 году поступил в Алма-Атинский торгово-финансовый техникум. В 1939 году работал литературным сотрудником газеты «Лениншил жас», позже заведовал отделом пионерской газеты «Октябрь балалары». В конце 1940 года был призван в ряды РККА, учился в Москве в саперном училище. С первого дня Великой Отечественной войны участвовал в боях. Героически погиб в начале 1944 года под Серпуховым в Украине. Б. Булкышевым написаны множество стихотворений, публиковавшихся в республиканской печати, незавершенный роман «Алма-Ата – мой родной город» и поэма «Айсулу». Незаурядный писательский талант Б. Булкышева расцвел в годы тяжелейших испытаний. 1 мая 1942 года на страницах «Комсомольской правды» была опубликована страстная патриотическая публицистическая статья Б. Булкышева «О жизни и смерти (записки молодого казаха-фронтовика)». Б. Булкышев свои военные очерки и публицистику писал на русском языке и систематически печатал в «Комсомольской правде». Его статьи «Я хочу жить», «Жизнь принадлежит нам», «Коварство и любовь», «Письмо сыну Востока», «Слушай, Кавказ» и другие переводились Г. Мусреповым на казахский язык и публиковались в республиканской газете «Социалистик Казахстан». В 1946 году в Москве был издан сборник «Жизнь солдата», в который вошла фронтовая публицистика Баубека Булкышева. Художественное наследие Б. Булкышева собрано в вышедшей в 1948 году под редакцией М. Иманжанова книге «Жизнь принадлежит нам», а также в книге «Бессмертие воина» (1965, составитель Д. Абилев, предисловие Г. Мусрепова). *Литературный портал.*

Во избежание недоразумений по вопросам трактовки контекста отдельных исследований, вырезки из различных трудов нами взяты в кавычки и выделены курсивом. К тому же, в большинстве случаев мы отказались от комментирования отчетов по итогам археологических работ А. Маргулана и Ж. Смаилова и посчитали целесообразным, выделив в курсив, дать полное описание этих работ в том виде, в котором эти записи преподносятся в их трудах.

Как отмечает Л. Н. Гумилев, *«проблема избыточной информации занимало лучшие умы историков»* еще за тысячи лет до нас. Огромное количество исторических фактов могут утомить читателя, поэтому мы посчитали целесообразным концентрировать его внимание на отдельной классификации исторических памятников отдельного региона, с применением большого количества сносок, чтобы не уходить далеко от темы и, в то же время, дать полную информацию по рассматриваемым моментам.

По нашему мнению, краеведение всегда играло ведущую роль при детальном изучении определенной темы, что всегда плодотворно сказывалось на исследовательских результатах. Это объясняется тем, что изучение локальной территории не разбрасывает нас по огромным степным пространствам, а конкретизирует исторический факт в призме ясного представления всех характерных особенностей изучаемого края. В то же время, такое направление исследования, ни в коем случае, нельзя воспринимать как местничество. Наоборот, подробное изучение каждого края огромной территории нашей страны отдельными краеведами будет вкладом в упорядочение единой историографии, сконструированной из подробных краеведческих изысканий. Это вдвойне актуально сегодня, когда в исследовательской среде происходит восполнение утраченных «пробелов» и «белых пятен» отечественной истории.

В процессе исследования мы придерживались принципа изучения истории строго в соответствии с достоверными документальными фактами, материальными свидетельствами, археологическими данными и средневековыми летописями. Опираясь на сведения о результатах археологических раскопок, необходимо учитывать, что найденные артефакты, также как и культурный слой, развалины стен и так далее, являются остаточными материалами исследования, а средневековые источники могут быть написаны летописцами, которые преследовали те или иные политико-пропагандистские цели, например, такие, как восхваление роли правителя, при дворе которого находился автор этой летописи.

Поэтому, предлагаемые нами факты имеют право на обсуждение и не являются окончательным вердиктом в свете изучения отдельно взятой проблемы. Но при этом нельзя забывать, что не соглашаясь с той или иной позицией, необходимо предоставить доказательства своего опровержения. Это к тому, что некоторые оппоненты просто не соглашаются по причине того, что не имеют достаточной информации и цепи логического мышления по теме.

В ходе повествования мы намеренно изменили транскрипцию отдельных казахских этнонимов, топонимов и фамилий ученых с учетом того, что в процессе русификации в советское время были допущены грамматические ошибки и искажения в транскрипции переведенных на русский язык казахских слов из-за непонимания их смысла. Тем самым, мы указываем на правописание этих терминов такими, какими они должны были упоминаться изначально без потери своего корневого смысла. Да, несомненно, в филологии есть такая вещь, как транскрипция, но мы решили нарушить это правило для полного понимания смысла отдельного термина или целого события. И наши исправления никак не претендуют на необходимость отныне писать именно в такой транскрипции. Например, термина «хан» в казахском языке не существовало до перевода слова «қаһан» на русский как «хан» или «каган». Такие ошибки в свое время были допущены и в этнониме «күнні» – «гунны», который позже был переведен как «ғұндар». Или «Сәтбаев» – «Сатпаев», «Арғықанаты» – «Арганаты» – «Арғанаты», который в последнее время отдельными «знатоками» стал переводиться еще и как «Арғын ата», что, конечно же, является глубочайшим заблуждением и не подтверждается ни одним

из источников. Топоним «Бұланды» в русских картах был отмечен как «Буланты», а потом был переведён на казахский как «Бұланты».

Такой метод трактовки мы называем рекомендацией для будущих исследователей, так как восполнение исходной транскрипции сохраняет смысл термина, что может повлиять и на правильное объяснение темы.

Таким образом мы посчитали правильным вернуть исконную транскрипцию искажённым терминам. Но, в то же время, для полного понимания читателем сути, при первом упоминании термина, мы взяли в скобки предыдущую транскрипцию.

Для визуального осмотра изучаемых объектов нами неоднократно были организованы экспедиции, целью которых явилось обеспечение книги фото-материалами и уточнение или подтверждение географического местоположения памятников и их параметров, а также подробное описание местности расположения этих памятников.

Точки зрения отдельных исследователей, приведенные в книге, необходимо воспринимать лишь как детонатор для размышления по той или иной проблеме и не являются поводом для окончательного вывода по теме. Это касается и народных преданий шежире, на которые опираются исследователи различных периодов историографии и которые имеют существенную роль в сборе картины из мозаики исторических фактов. Несмотря на некоторые неточности, этимологические искажения и мифологичность, шежире имеют полное право быть примененными в трудах историков в качестве источников.

Необходимость освещения территориальных масштабов и политических значений городов, дворцов и укреплений, несомненно, вносит вклад в разоблачение мифа о повсеместном преобладании поголовного кочевого образа жизни степняков и об их непримиримой и постоянной борьбе с городской средой.

Мы же пытаемся доказать, что кочевничество, как образ жизни, являлось хозяйственной составляющей в экономической системе средневековых степных государств и немаловажную роль в их жизни играли металлургические поселения и крупные торговые центры, сосуществование которых было неизбежным фактором при политической гегемонии средневековых степняков.

Таможенное и фискальное регулирование степной аристократией торговых отношений на всей протяженности Великого Шелкового пути играло основную роль в жизнедеятельности степных государств. Таможенно-административные центры располагались на побережьях рек Сарысу, Кенгир,¹⁷ Жезды,¹⁸ которые цепью соединяли торгово-политические взаимоотношения с Присырдарьинскими городами на юге и с Приуральем – на северо-западе. Сырдарья

¹⁷ Кенгир (Кара Кенгир) – река бассейна Сарысу течет по территории Улытауского района Карагандинской области. Свое начало берет в горах Аргыканаты, северных отрогов Улытау. В районе села Малшыбай сливается с рекой Сары Кенгир и до впадения в Сарысу называется Кенгир. Русло широкое, берега обрывистые. Длина – 295 км, площадь сбора воды – 18400 км². Уровень реки полностью наполняется только во время весеннего половодья талой водой. Река обеспечивает кубометрами воды одноименное водохранилище, обеспечивающее технической и питьевой водой в объеме 12500 км² промышленность и население города Жезказган. Река имеет более 100 притоков, у 82 из которых длина менее 10 км. Самые крупные притоки: Улькен Жезды, Сары Кенгир, Жыланды, Куркараганды. В средневековых источниках применяется название «Кендирик» (Рудный), что объясняется наличием в устьях рек Жыланды и Улькен Жезды больших запасов медной руды.

¹⁸ Улькен Жезды – река бассейна Сарысу. Свое начало берет в южных отрогах гор Улытау и к юго-востоку от города Жезказган впадает в реку Кенгир. Общая длина 108 км, площадь сбора воды составляет 3850 км². Русло реки прямое, обрывистое. Наполняемость реки обеспечивается ежегодным весенним половодьем в начале апреля и, в редких случаях, сильным, продолжительным дождем. Летом превращается в многочисленные плесы. Ширина русла в некоторых местах достигает 2–3 км. Среднегодовая мощность течения – 1,22 м³/с. Река имеет 16 небольших притоков. Основные из них – реки Бала-Жезды, Талдысай, Кункуйген, Улкенсай, Карабулак, Сагымсай, Нарсай. Их длина не превышает 10 км. Вода пресная и используется в различных хозяйственных целях. В бассейне реки расположены две Ескулинские скважины, которые обеспечивают питьевой водой город Сатбаев. На сегодня в реке исчезли такие крупные рыбы, как сазан, щука, что является следствием отсутствия условий для подъема рыбы из реки Сарысу. Причиной этого является преграда в виде плотины Жездинского водохранилища и заражения реки промышленными отходами русла Улькен Жезды ниже Акчи-Спасского карьера

являлась неотъемлемой и жизненно важной составляющей в экономике и политической жизни степных государств.

К сожалению, мы приступили к этой работе в то время, когда от «славных развалин» с четкими элементами первоначального архитектурного облика, которые были запечатлены еще в XVII – XIX веках, сегодня остались одни бугры, засыпанные степным песком. Строительство колхозов, на фоне стирания исторических ценностей дореволюционного периода, привело к окончательному уничтожению изучаемых нами строений. Кирпичи средневековых дворцов были разобраны на строительство сельсоветов, клубов, жилых домов, зимовок и отопительных печей для них, о чем свидетельствуют рассказы местных старожилов. «Во имя строительства светлого социалистического будущего» был разграблен мавзолей Жошы хана. В борьбе с «религиозными пережитками» были уничтожены мечети, которые в лучшем случае могли быть использованы как загоны для колхозного скота, а вандальный грабёж сакских и тюркских курганов происходил на протяжении всего процесса колонизации края Российской империей. Так называемые «курганники» орудовали и во время военных экспедиций, и при функционировали казачьей станицы Улытау.

Улытау является сокровищницей исторических памятников средневековья и данное утверждение ни в коем случае не является местническим преувеличением или идеологической мифологизацией. Автор книги никак не пытается принизить роль других регионов Казахстана, где вполне достаточно грандиознейших памятников, таких как Берельский, Исыкский и другие курганы, комплексы культовых сооружений и строений, археологические кладези Южного Казахстана и Семиречья, развалины большого количества городов на протяжении торговых дорог Шелкового пути, которые по своим размерам не уступают площадям многих современных городов.

Хотя на месте дворцов остались одни бугры, памятники Улытау имеют значительный вес в историографии не размерами площадей и масштабностью своей архитектуры, а, как и сами горы, своим историко-политическим значением. К сожалению, несмотря на то, что изучение этих памятников началось довольно давно, общественное внимание к ним стало проявляться только в годы независимости Казахстана, что является закономерным в свете восполнения историографических пробелов, допущенных идеологической цензурой времен Советской власти. Подробная информация об исследованиях памятников региона оставалась ограниченной в научной среде и только периодически просачивалась в социальное информационное пространство в виде статей, отдельных книг или документальных роликов и фильмов. И нашей целью является лишний раз запечатлеть роль политической элиты кочевников в свете изучения их ставок и резиденций.

На территории Улытауского района или, как часто применяется географическое название – Западной Сарыарки, расположен целый ряд древнейших и средневековых памятников, охватывающих период от палеолита до нового времени. Но условно границы Улытауского края имеют некоторые отклонения от существующей сегодня территориально-административной границы. Например, поселение Ольке находится в административной территории Жанааркинского района, хотя входит в комплекс Улытауских неукрепленных городов акординского периода, а Танбалы Нура – главное наскально-документальное оформление Улытау, как символа единения степи, вообще расположена на территории Южно-Казахстанской области, всего в 20 км от административной границы Улытауского района.

Условные историко-географические границы Улытау впервые были предложены К. И. Сатбаевым¹⁹ в 1935 году в статье на эту тему, опубликованной в газете «Социалистик

¹⁹ Сатбаев Каныш Имантаевич – (1899 – 1964) – первый казахский академик, геолог, первый президент АН КССР. Первооткрыватель многих месторождений полезных ископаемых в Казахстане. В 1934 году объявил доказательства о недостаточности мощности Карсакбайского медеплавильного завода для интенсивного освоения запасов меди на месторождении Большой Жезказган. Один из основателей советской металлогенической науки и основоположник казахстанской школы металлогении.

Қазақстан», где были определены основные границы региона площадью примерно в 100 тысяч км². В 1990-е годы археологом Жуманом Смаиловым,²⁰ который в течении 20 лет проводил археологические раскопки и внес большой вклад в изучение края, были предложены четкие пространственные площади для рассмотрения исторических объектов Улытау. По его мнению, сложившемуся по итогам археологических изысканий и широкомасштабных раскопок, границы комплекса Улытауских археологических памятников проходят по следующим параметрам: на севере – с верховьев рек Терисаккана и Караторгай²¹; на востоке – со среднего течения реки Сарысу и горы Желдыадыр²²; на юге – с просторов пустыни Бетпакдала; на западе – Аральские Каракумы, долины рек Улы Жыланшик и Караторгай. Эти просторы издревле заселяли земледельцы, скотоводы, рудокопы и металлурги.

Каныш Сатбаев, Алькей Маргулан, Жуман Смаилов. (Фото-монтаж автора)

Огромный научный вклад в изучение края внесли А. Маргулан,²³ К. Сатбаев, Н. Валукинский,²⁴ А. Кузнецов, С. Жолдасбаев, Ж. Курманкулов,²⁵ Ж. Смаилов и другие. Комплекс-

Внес большой вклад в изучение исторических памятников Улытау. Доктор геолого-минералогических наук (1942), профессор (1950), академик АН КССР (1946), действительный член АН СССР (1946).

²⁰ Смаилов Жуман Егинбаевич – (1958, Карагандинская область, Шетский район, село Аксу-Аюлы) – известный археолог, кандидат исторических наук. В 1991—1993 годы младший научный сотрудник Института археологии АН РК. В 1993—1997 годы преподавал Жезказганском университете имени О. Байконырова. В 1997—2002 годы старший научный сотрудник Института археологии имени Алькея Маргулана. С 2002 года директор археологического института «Сарыарка» при КарГУ имени Е. Букетова. Провел широкомасштабные археологические раскопки в Улытауском регионе в комплексах Кызылкент, Баскамыр, Аяккамыр, в городищах Шоткара, Жошы ордасы, в некрополях Алаша хана, Жошы хана, исследовал дворцы Барак хана и Болган ана. Автор монографии «Памятники археологии западной Сарыарки» (1997) и многих научных статей.

²¹ Караторгай – река бассейна Торгай. Своё начало берет в западных предгорьях Аргыканаты и течет в западном направлении по территории Улытауского района, а затем Костанайской области. Длина реки составляет 284 км, площадь сбора воды достигает 15,5 тысяч км². Река начинается с родников в юго-восточной стороне горы Кыргыштау и впадает в реку Торгай. Основные притоки – Бошке, Кайынды, Сарыторгай.

²² Желдыадыр – самая крайняя, северная часть горной цепи Улытау. Абсолютная высота – 748 м (Сасыкбастау). Длина – 100—110 км, ширина – 25—35 км. Поверхность сложена из девонного гранита и пластов каменного угля. Нижняя часть состоит из делювийских, пролювийских и аллювийских отложений. С Желдыадыра берут своё начало реки Терисаккан, Кыпшак, Керей, Жаксыккон, Сарыкентгир и множество притоков. В юго-западной стороне расположено озеро Ащыколь.

²³ Маргулан Алькей Хақанович (11.05.1904, Семипалатинская область, Баянауыл – 12.01.1985, г. Алматы) – литературовед, искусствовед, востоковед, основатель казахской национальной школы археологии. Постоянный член Всесоюзного Географического общества (1933), доктор филологических наук (1945), академик АН КССР (1958). Одновременно закончил факультеты тюркологии и историко-филологии ленинградского института Востоковедения (1925—1929). Основоположник Бегазы-Дандыбаевской культуры. В результате археологических работ в Улытау Маргулан открыл множество историко-археологических памятников древних рудокопов и металлургов, племен бронзового века. Автор более 300 научно-исследовательских работ в сфере истории, археологии, этнографии, литературы искусства и металлургии, более 100 энциклопедических статей. Лауреат Государственной премии КССР. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов.

²⁴ Валукинский Николай Васильевич (1886—1950) – художник, геолог, археолог. С 1945 года работал техником-гидро-

ное археологическое исследование историко-культурного достояния Улытау впервые произвел Алькей Маргулан, который, начиная с 1946 года, в течении почти 30 лет поэтапно открывал археологические объекты края. Работа, начатая им в качестве руководителя Центрально-Казахстанской археологической экспедиции,²⁶ (далее – ЦКАЭ) продолжается и по сей день.

Самыми древними, из зарегистрированных и взятых на учет, являются памятники ашельского периода эпохи палеолита, такие как Музбель, Жаман-Айбат, Аякбулак, Обалысай. Особое место занимает памятник эпох мезолита и неолита Токтагул, расположенный в устье рек Улькен Жезды и Талдысай. Неолитический, Андроновский²⁷ и Бегазы-Дандыбаевский²⁸ периоды в Улытау представлены стоянками и поселениями Талдысай, Улытау, Айбас Дарасы, Жанайдар, Уйтас-Айдос и т. д.

С распространением тюркской культуры, в раннее средневековье Улытау заселили кангаро-печенеги, а потом огузы. Их правители построили для себя укрепленные дворцы, которые названы в археологии городищами и являются объектами нашего исследования. Эти городища были унаследованы правящей элитой кимеков и кыпчаков, а затем и чингизидами в акординский период.

Рассматриваемые нами в работе объекты классифицированы Жуманом Смаиловым по итогам его археологических работ на 4 вида: 1) городища, выполнявшие роль временных или сезонных крепостей – это такие, как Тогызбайколь, Алаша хан ордасы, Жангабыл; 2) укрепленные дворцы – Шоткара, Айбас дарасы, Топыраккорган; 3) поселения – ставки с укрепленной цитаделью – Аяккамыр, Баскамыр, Ногербек дарасы, Ески хан ордасы (Аксай), Домбагул, Каратон; 4) административные центры чингизидов с неукрепленными дворцами – Жошы ордасы, Келинтам, Болган ана, Белен ана, Барак хан, Жубан ана. Наша книга разделена на главы согласно данной классификации.

Хотелось бы уточнить, что наша книга не претендует на соискание какой-либо научной степени или получения какого-либо гранта, а лишь преследует цель лишней раз познакомить тех, кто еще не знаком, с великолепными памятниками истории – средневековыми дворцами и поселениями Улытау. Мы не ставили перед собой принципиальной задачи создать объемный и строго академический труд и, в то же время, попытались поднять и другие злободневные вопросы экологического или социального характера. Автор допустил некоторые вольности

логом на Жезказганском горно-металлургическом комбинате. По поручению К. И. Сатбаева произвел археологические раскопки на поселениях древних металлургов Мыйлыкудык, Соркудык, Айнаколь, Таскудык и т. д. По результатам работ написал исследовательские статьи. В 1947 году, на базе собранных им материалов, в поселке Жезказган организовал геолого-минералогический музей, который после его смерти стал носить его имя. Валукинский является автором книг «Суконные фабрики крепостного времени в Воронежской губернии» (Воронеж, 1926), «Помещики в рясах: Церковно-монастырское крепостное хозяйство» (Воронеж, 1929).

²⁵ Жолдасбек Курманкулов (10.02.1948, ЮКО, село Созак) – известный археолог, кандидат исторических наук (1988). С 1971 года старший лаборант, младший научный сотрудник, заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии имени Шокана Уалиханова, Института археологии имени Алькея Маргулана. С 1998 года заместитель директора Института археологии имени Алькея Маргулана. Изучил памятники эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья степной зоны Евразии. Опубликовано более 100 научных работ.

²⁶ Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция – экспедиция, образованная в 1946 году при институте Истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, с целью изучения памятников нижнего палеолита, неолитических стоянок, поселений эпохи бронзы и средневековых городов. Руководители: 1946—1975 годы – А. Маргулан, 1976—1981 годы – М. Кадырбаев, 1982—1985 годы – Ж. Курманкулов, 1986—1989 годы – С. Ахинжанов, с 1990 года – Ж. Курманкулов. В результате деятельности экспедиции были установлены и исследованы исторические памятники различных периодов человеческой истории на побережье рек Сарысу, Сарыкенгир, Каракенгир, Улькен Жезды.

²⁷ Андроновская культура – археологическая культура бронзового века, датирующаяся XVIII – VIII веками до нашей эры и распространившаяся на всей территории Казахстана, Западной Сибири, западной части Средней Азии и Южного Урала.

²⁸ Бегазы-Дандыбаевская культура – археологическая культура племен Центрального Казахстана позднего периода бронзового века, датирующаяся XIII – VIII веками до нашей эры. Название в науку ввел академик Алькей Хаканович Маргулан по топонимике местностей Бегазы и Дандыбай вблизи железнодорожной станции Атасу в Карагандинской области, где в 1934 году М. П. Грязновым были обнаружены эти памятники.

в обсуждении тех или иных изучаемых объектов, приглашая к дискуссии читателя. При этом, мы учитываем возможность опровержения нашей точки зрения без политизирования ситуации, как это обычно происходит после выхода критических статей или книг на исторические темы.

Надеемся, что книга даст возможность открыть новые горизонты изучения истории Казахстана и Улытауского края и станет еще одним шагом для презентации средневековых археологических памятников нашего региона для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Глава I. Предпосылки для возникновения в Улытау городищ раннего средневековья

Развитие средневековой городской культуры в Западной Сары-Арке происходило поэтапно. Алькей Маргулан выделяет четыре периода развития архитектуры и строительного дела в Казахстане: раннего средневековья VI – IX вв., развитого средневековья X – XII вв., монгольского периода XIII – XIV вв. и позднего средневековья XV – XVIII вв.

В предгорьях Улытау сохранились развалины дворцов, замков и неукрепленных ставок-орд политической элиты средневековья. Жатакские кыстаки представляют более позднее время, а именно, период колонизации родоплеменных земель Казахского ханства империей Романовых. Это объясняется тем, что правящая власть номадов находилась в Улытау круглогодично, время от времени располагая свои резиденции в Сырдарье. К тому же, Улытау всегда являлся местом укрытия для оппозиционных правителей Мавераннахра,²⁹ которых огузско-кыпчакская, а позже и акординская власть использовала в своих внешнеполитических целях.

Что касается остального населения, определяемые историческими источниками как «қара бүтін» – по-тюркски или «қара халық» – по-казахски, то ввиду занятия сезонно-пастбищным скотоводством, у них не было нужды строить постоянные жилища на жайляу.³⁰ Они обходились разборно-сборным жилищем – юртой, которая заменила срубные и глинобитные наземные жилища насельников бронзового века и дала возможность освоению более широких просторов Великой степи за счёт увеличения расстояния годового цикла кочевания. Уже в VII – VI веках до н.э. юрта стала основным жилищем номадов. Об этом свидетельствуют античные источники, оставившие сведения о юрте, как жилища саков, гуннов и других.

Плано Карпини в XIII веке так описывает юрту: *«Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыша покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока, ...некоторые быстро разбираются и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираются и перевозятся на повозках»*. (Маргулан А. 2011).

Средневековые кыстаки в Улытау не сохранились, так как для их строительства применялся сырцовый кирпич, а для поиска и исследования кыстаков этого периода нет археологического интереса. Кыстаки со временем уничтожаются в три этапа: первый – разбор бесхозного жилища на строительный материал; второй – механическое растворение сырца в почве из-за многолетних осадков; третий – фундамент развалин засыпается песком, приносимым постоянными ветрами. На основе этого археологами определяется тип развалин. Остатки Улытауских дворцов в виде бугров могли достигать от 0,5 до 4 метров в высоту, а кыстаков не более 30—40 см.

В Улытау сохранились развалины кыстаков XIX – XX веков. Интенсивная колонизация казахской земли Российской империей, отразившаяся в строительстве казачьих военных линий, изъятии лугово-пастбищных угодий казахских родов, вытеснении казахов в «малокультурные» засушливые земли, привела к земельной тесноте в Улытауском регионе. Поэтому, волостные управители повсеместно призывали местное население развивать земледелие и слово «жатак» в это время становится часто приносимым. Процесс оседания части номадов привел к увеличению темпов строительства зимовок, загонов для скота, а вместе с тем и большого количества мечетей.

²⁹ Мавераннахр – междуречье Сырдарьи и Амударьи или Средняя Азия.

³⁰ Жайляу – летние пастбища скотоводов Казахстана.

Периодизация строительства и функционирования дворцов и поселений Улытау можно разделить на огузо-печенежско-кыпчакский и акординский периоды. Первый период отличается расцветом строительного искусства в воздвижении дворцов с укрепленными стенами и цитаделями, а второму периоду характерно строительство неукрепленных поселений с административными ставками региональных правителей-чингизидов и использование, доставшихся в наследство от кыпчаков огузо-печенежских дворцов.

Наряду с постоянными круглогодичными резиденциями, были воздвигнуты такие сезонные укрепления, как Тогызбайколь. Постоянные ставки функционировали как в огузский период, так и в акординский. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок на Баскамыре, Аяккамыре, Аксае, Жошы ордасы и т. д.

Экономическим основанием для возникновения дворцов и поселений в Улытау является многоотраслевое хозяйство, состоящее из кочевого скотоводства, металлургии и ремесла, а также придворных очагов подсобного земледелия.

Заселению западного бассейна реки Сарысу характерно ежегодное демографическое «дыхание», когда в апреле русла рек начинают занимать многочисленные аулы с отарами и табунами, а осенью Улытау покидали все, кроме рудокопов и металлургов Жезказгана, а также правящей верхушки, которые оставались в своих дворцах и поселениях.

В этой книге мы не претендуем на установление истины или окончательной версии трактовки той или иной дискуссионной исторической темы, будь то Орда-Базар, Хан ордасы или Домбагул, а лишь предпринимаем попытку подвести итоги археологических, антропологических, этнографических, географических исследований по различным тематикам, относящимся к нашим объектам.

Предлагаемое нами видение по памятникам Улытау не является попыткой приукрашивания роли дворцов, ставок-орд региона, а преследует цель отдельно осветить их место в средневековой геополитике Великой степи и популяризировать среди широкого круга читателей, за счёт подкрепления тематики документальными фактами. При работе предпринята попытка обретения плоти скелетами тех источников, которые общеизвестны и применяются в обсуждении событий, происходивших в степных просторах нашего края.

В историографии по отдельным объектам нашей темы существует путаница в вопросах принадлежности, истории возникновения и трактовки событий по рассматриваемым нами объектам. Особенно нужно отметить ошибки, которые существуют в энциклопедиях, изданных в разные периоды. Например, в 11 томе «Қазақ Совет энциклопедиясы», изданной в 1977 году под редакцией академика Мухаметжана Каратаева в статье «Топырақ қорған» автор статьи располагает это средневековое городище в 20 км от поселка Жезды на 8 км севернее Аяккамыра. При этом ссылка делается на труд А. Х. Маргулана «Археологические разведки в Центральном Казахстане» (1948). В то же время в восьмом томе «Сочинений» Алькея Хакановича на странице 341 мы читаем «...Около крепости Алаша-хана находились поселения Топрак-Корган, Ногербек Дарасы, Айбас-Дарасы». Тем самым мы определенно наталкиваемся на противоречие в координатах расположения Топрак-Коргана, причем все ссылки идут именно в адрес трудов А. Маргулана.

Поэтому, в нашей книге мы попытаемся упорядочить все существующие противоречивые трактовки и рассмотрим возможности для выстраивания общего повествования о дворцах и поселениях Улытау. Для этого нам необходимо подробнее остановиться на хозяйственной деятельности проживавшего здесь населения в рассматриваемый период и условиях возникновения этого хозяйственного цикла.

Суровые природно-климатические условия, аридность почвы и высокая солнечная радиация сформировали кочевничество, как хозяйственную основу жизнедеятельности Улытауского региона, хотя очаговым подспорьем скотоводству можно отнести земледелие, развитие которого прослеживается в поймах рек и, редко, небольших озер. Об этом свидетельствуют

следы пашен древних и средневековых земледельцев, а некоторые источники указывают на распространение чигирей³¹, широкое применение которых было возможным из-за наличия круглогодичной водоносности отдельных плесов. А. Маргулан приводит следующие сведения, свидетельствующие о наличии в регионе большого количества чигирей: *«Уже в наше время мы обратили внимание на большое число чигирей, разбросанных по долинам рр. Тургай, Жыланшык, Кенгир, Сарысу и др. От слова чигирь получила свое название речка Чигирлы-Жыланшык»*. (Маргулан А. Сочинения. Т.8. 2011).

Кроме кочевого скотоводства и земледелия в регионе существенное развитие получила металлургия, которая была главным способом обогащения местной феодальной знати. Металлургическая продукция экспортировалась среднеазиатскими купцами в различные страны Евразии и давала возможность усиления и содержания военной силы степняков.

Экономической основой дворцов являлась торговля со среднеазиатскими купцами, которых в свою очередь интересовали драгоценные и цветные металлы, а также железо и марганец. В качестве главной путеводной артерии из урбанизированного Южного Казахстана в степь использовалась река Сарысу.

В основной части нашей книги мы подробно остановимся на дворцах огузо-печенежского и кыпчакского периодов и неукрепленных административно-торговых центрах акординской эпохи.

Городища Улытау возникли в период становления тюркских каганатов и являются продуктом тюркского строительного дела. После окончания вековой засухи, длившейся в III – IV вв. и охватившей всю аридную зону Земли, в Евразийской степи появились новые племенные объединения кочевников под этнонимом «тюрк», что означает «бдительный». ³² Этноним «тюрк» отображает то жизненное состояние кочевников, когда они жили при постоянном ожидании истребления со стороны их врагов.

Конечно, современному исследователю ближе объяснение происхождения какого-либо этнонима в призме характеристики жизненного уклада изучаемого народа. Но, в то же время, источники предлагают свое объяснение происхождения этнонима «тюрк». Например, в «Родословной туркмен» Абу-л-Газы, в повествовании истории происхождения огузов, называет Тюрка сыном Яфеса и внуком Ноя.

Пожалуй, не имеет смысла здесь перечислять подвиги и достижения тюрков, которые общеизвестны в исторической науке. Отметим лишь, что в конце 70-х годов VI века тюрки достигли северного побережья Черного моря и установили контроль над всеми ветвями Великого Шелкового пути, проходившими по территории современного Казахстана. Безопасность по периметру караванных торговых путей, обеспеченная тюрками в союзе с Византией, привела к бурному расцвету торговли, а соответственно, городской культуры Южного Казахстана и Семиречья.

³¹ Чигирь (каз. «шығыр» – извлекатель) – водоподъемное устройство в виде колеса с глиняными ковшами или барабана с канатом, снабженным черпаками. Приводится в движение преимущественно с помощью гужевой тяги.

³² В современном казахском языке сохранилось выражение «құлағы түрік», то есть «уши в остро».

ЦКАЭ под руководством Алькея Маргулана (четвёртый справа). Третий справа – отец автора книги – Бакыт Сейтжанов, парторг совхоза Аманкельдинский. (Фото из семейного архива автора).

Следы тюркской культуры в Улытау запечатлены погребальными комплексами в предгорьях Улытау и Аргыканаты, а также в бассейнах рек Караторгай и Кенгир. В 1950 году ЦКАЭ во главе с А. Маргуланом открыла научному миру памятники тюркского периода – Аргыканатинские каменные изваяния. Множество балбалов³³ было обнаружено в горах Мык, Домбагул и Айыршоки. Изваяния были высечены из плоских каменных столбов. Характерным для всех погребальных комплексов является установление балбалов в восточной части ограждений, воздвигнутых из плоских каменных плит в форме прямоугольника. Высота обнаруженных балбалов достигала 1,5—2,1 м, а ширина – 0,23—0,58 м. Изваяния установлены лицом на восток. Далее на восток от самых высоких балбалов в ряд располагается цепь изваяний более мелких размеров.

О тюркских изваяниях ещё в XIII веке писал Вильгельм Рубрук: *«Команы насыпают большой холм над усопшими и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую в руке перед пупком чашу. Они строят для богачей пирамиды-остроконечные домики. И кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится»*.³⁴

В ходе археологических раскопок скелеты погребенных не найдены, но вместе с атрибутами конской сбруи и домашней утвари был обнаружен слой золы, что указывает на кремирование трупа перед захоронением. Здесь мы имеем продолжение традиции трупосожжения, которая встречается у андроновцев Талдысая.

³³ Балбал – небольшой, иногда обработанный каменный столб с высеченным скульптурным изображением тюркского периода.

³⁴ «Путешествие в восточные страны П. Карпини и Рубрука». 1957.

Цепь из разрушенных каменных изваяний-балбалов. (Фото Бахтияра Кожаметова)

В 1946—1960 годах ЦКАЭ исследовала группу каменных изваяний, расположенных в 5 км к югу от Коргантаса в предгорьях горы Едиге. Характер строительства комплекса, практически, идентичен с Аргыканатинским, хотя был сильно разрушен. Надгробные сооружения состоят из прямоугольных ограждений, построенных из плоских каменных плит размерами 1,8x2 м и более больших, размерами 5,9x6 м. Также, как и в Аргыканаты балбалы расположены в восточной части ограждений и изображения обращены лицом на восток. Продолжением сооружения является цепь из более мелких надгробных плит. В Коргантасской группе каменных изваяний сохранились только два балбала размерами в высоту 1,8 и 1,4 м.

Наряду с каменными изваяниями тюркского периода в Улытау находятся архитектурные сооружения типа «дын»³⁵. Дыны, дынгеки или уйтасы – это архитектурные строения так называемого доисламского периода, а если быть точнее, огузо-печенежского периода, с характерным строением, напоминающим юрту. Строительным материалом являлся степной «дикий» камень, из которого воздвигались сооружения, отличавшиеся простотой архитектоники, отсутствием декора и характерной только для Центрального Казахстана.

Уйтасы встречаются в долинах рек Атасу, Сарысу, Улькен Жезды, Терисаккан, в предгорьях Улытау, в верховьях рек Кенгир и Торгай, в Каркаралинских и Баянаульских горах.

Первые свидетельства о дынах мы встречаем в одной из Орхонских надгробных надписей, которую приводит А. Маргулан и где говорится: «Мен аңғар таш барқ жараттуртым», что означает «я приказал соорудить это каменное строение». По мнению Алькея Хакановича, «таш-барқ» – это древнетюркское обозначение казахского «тас-үй» или «үйтас».

То, что дыны и уйтасы являются культовыми сооружениями, свидетельствуют различные источники, которые приводит А. Маргулан: «*В Тянь-шю говорится: „В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он участвовал в продолжение жизни“. В тюркских сооружениях „таш барқ“ русские ученые видят аналогию храмам или часовням. По этому поводу С. В. Киселёв писал: „При гробницах ханов строили часовни с изображением умершего и каменными плитами... Около этих сооружений рядами*

³⁵ Дын – вид культового сооружения VI – X веков. Дын представляет переходный тип от курганов к архитектурным памятникам. Распространён на территории Казахстана, Средней Азии, Южной Сибири и Монголии. Архаичный дын возводился из плит «дикого» камня и по форме напоминает юрту, часто имеющую внутреннюю камеру.

расставлялись статуи ближайших родственников». Академиком В. В. Радловым были обследованы сооружения „таш барк“ и каменные изваяния у памятников Бельги-кагана и Кюльтегина. На основе этих аналогий можно утверждать, что уйтасы – культовые сооружения, как и „таш барк“, и датируются они VI – VIII вв.» (Маргулан А, 2011, с.282).

Уйтас. (Фото Бахтияра Кожаметова).

Данные утверждения подчёркивают принадлежность дынов и уйтасов к сооружениям, имеющим отношения к степной аристократии и политической элиты. Одним из таких памятников является Карадын, который расположен в 35 км на северо-запад от Улытауских гор, на побережье реки Каражыланды. Сооружение было исследовано в 1947 году ЦКАЭ во главе с А. Маргуланом. Как и все дыны огузского времени, Карадын является юртообразным строением диаметром в 8 м и высотой 5 м, воздвигнутый из плоских «диких» камней.

Грандиознейшим памятником типа «дын» в Улытау, несомненно, является общеизвестное архитектурное творение огузского периода Домбаул, расположенный на левом берегу реки Кенгир, между мавзолеями Алаша хана и Жошы хана. Отличительной чертой архитектурного стиля Домбаула от других дынов является прямоугольная структура нижней части, размерами 8,9x7,9 м и толщиной стен около 2 м. Вокруг самого дына имеются множество захоронений с балбалами.

По преданиям и легендам, рассказанным Алькею Маргулану местными жителями, Домбаул «был знаменитый мерген³⁶, поэт и музыкант – сочинитель кюев. В западной части гор Улытау лежат руины древнего замка, где жил Домбаул». (Маргулан А. 2011). О каком замке идет речь, академик не уточняет. Возможно, речь идет о городище Домбаул.

В то же время, Алькей Хаканович приводит одну из легенд о Домбауле, где на основе событий о дочери хана объясняется смысл происхождения этнонима «кыят». При этом А. Маргулан пишет, что «Кыяты – потомки гуннов, вместе с кипчаками, конгратами, алиынами, аргынами и др. обитали в недоступном месте Алтая, известном под названием Ергене-Конг. Позднее эти племена обжили обширные степи Центрального Казахстана. Одним из вождей кыятов был Домбаул, в память о котором был сооружен мавзолей на р. Кенгир (VI – VII).»

³⁶ Мерген – меткий стрелок.

Это утверждение Маргулана подтверждает Калибек Данияров: «В эпосе „Огыз каган“, хранящемся в Париже в национальной библиотеке и переведенном К. Омиргалиевым, говорится о киятах. В эпосе род Кият берет свое начало от легендарного Домбаула». (Данияров К. 1998).

Скорее всего здесь речь идет о расширении территории Тюркского каганата. И попытки современных псевдоисториков отождествить Домбаула с Кетбукой не имеют под собой никакого основания, так как мавзолей Домбаул является сооружением огузо-печенежского периода и не может быть отнесен к акординскому.

Исследовательские предположения могут быть приняты или отвергнуты историографией. Согласно преданиям, которые приводит Алькей Маргулан, Домбаул, похороненный на берегу реки Кендирли (Кенгир) в Улытауском районе, Карагандинской области, являлся предводителем рода Кият, находившихся в огузском объединении 24 племён. Как тогда Кияты оказались на берегах Онона и Керулена? Мы не поддерживаем мнение некоторых исследователей, которые пытаются доказать, что место «прописки» Темучина находится в Тасты Кыпчаке. Слишком много источников отвергают такое мнение. Если они достоверно докажут свою гипотезу, то тогда – пожалуйста. Мы же объясняем такое передвижение на восток, вопреки закону миграции в Великой степи с востока на запад, запатентованному гуннами или кунни (движение вслед за солнцем), вековыми засухами Льва Гумилёва. Трактует весь процесс: Огузы примерно в начале VIII века оттеснили с бассейна Сырдарьи на запад кангаро-печенегов и освоили степные просторы Турана и бассейна реки Сарысу. В X веке, согласно шестивековой цикличности Гумилёва, в степь вновь приходит засуха, которая создаёт невыносимые условия для кочевников. В таких условиях спасением для кочевников являются укрытие в лесах Сибири или борьба за Алтай, которая сопровождается истреблением слабых. Остатки потерпевших поражение выживают в городской среде Средней Азии или Китая.

В X веке начинаются междоусобные войны как в государстве огузов, так и в Кимекском каганате. В этой борьбе победителями выходят кыпчаки и устанавливают свою династию и преобразуют Кимекский каганат в Кыпчакский. Огузская политическая элита была вытеснена кыпчаками со своих дворцов в Улытау и городов в бассейне Сырдарьи на территорию современного Туркменистана и в Иран. Остальные огузские племена ушли на запад, ассимилировались в среде западных кыпчаков, команов и печенегов, а кияты ушли на Алтай и из-за разногласий с остальными «сегиз» огузами (найманами) двинулись или были вытеснены дальше на восток, к берегам Онона и Керулена.

В 1007 году, после засухи, согласно Гумилёву, найманы вместе с кереями приняли несторианство и образовали Найманское ханство. А племена на территории современной Монголии переживали раздробленность и только на рубеже XII и XIII веков были консолидированы киятами во главе с Темучином. После завоевания Сартауыла Джучи, по указанию своего отца, освоил обетованные земли своего далёкого предка Домбаула, поселился в его одноимённом дворце в горах Аргыканаты и занялся строительством нового государства будущих казахских чингизидов и новой ставки на берегу реки Кендирлик.

К тому же, некоторые современные исследователи ассоциируют Домбаул-мергена с Добун-мергеном из «Тайной генеологии монголов», а его сыновей – Бугинутея и Белгинутея – с Баганалы и Балталы. Так ли это? Этот вопрос мы оставим открытым для дальнейших исследований. Хотя термин Домбауыл мы можем ассоциировать с топонимом, обозначающим ауыл или йурт Домб-мергена (Добун-мергена).

Тут же, рядом с Домбаулом, находится комплекс бронзового века Уйтас-Айдос, расположенный в 2 км к юго-востоку от одноименной зимовки и обозначены два археологических памятника Уйтас 1 и Уйтас 2, открытые А. Маргуланом. Объект исследован в 1984—1985 годах экспедицией Жезказганского областного историко-краеведческого музея под руководством Э. Усмановой и В. Варфоломеева. На площади 5 км² обнаружено 17 погребальных сооружений,

огражденных плоскими плитами «дикого» камня и относящихся к Нуринской и Бегазы-Дандыбаевской культурам.

Около десяти уйтасов расположены на месте впадения реки Сарыторгай в реку Караторгай. Эти уйтасы были сильно разрушены. Также, остатки уйтасов находятся на горе Мык, в урочище Жанай на берегу реки Улькен Жезды, а также на побережье реки Блеуты в Буландинской долине.

Вместе с тем на летних пастбищах тюркской конфедерации племен аристократия стала строить себе дворцы и сезонные укрепленные ставки. Невыносимость нахождения степняка в городской среде Южного Казахстана из-за жары, антисанитарии и чрезмерной суеты торговцев, ремесленников и других горожан, тяготило тюрков и вынуждало больше времени находиться в степных просторах со свежим воздухом, природным спокойствием и раздольной жизнью. Об этом в «Тарихи Абулхаир-хани» свидетельствует Масуд бен Османи Кухистани, который пишет: *«Когда жители города Хорезма и окрестностей этого вилайета провели некоторое время [под защитой] моря справедливости и благодеяний [Абулхаир-хана], [мудростью своей] подобно Сулейману, в Хорезме, по предопределению Божественному и судьбы небесной появилась чума. [Ввиду этого] знатные люди войска [Абулхаир-хана] и витязи славные, привыкшие к прелестному воздуху Дешти-Кыпчака от гнилости воздуха Хорезма пришли в расстройство, и все предводители войска вместе довели до слуха хана, небесного дворца, что поводом решимости надо направить в сторону Дешти-Кыпчака, чтобы войско избавить от ужаса чумы и бедствий жары».*

Несомненно, степная благодать прерывалась междуособными столкновениями, долгими военными походами и кровопролитными битвами. Но какой кочевник не мечтает умереть в бою? Для степняка было честью умереть в сражении молодым, чем от глубокой и немощной старости. А еще хуже всего для тюрка на коне было превратиться в земледельца или ремесленника и томиться в городских стенах.

Наряду со стремлением тюркских государств контролировать города Южного Казахстана и Семиречья шла борьба и за пастбища в степных просторах. В середине VIII века среди тюркских политических сил закончилась борьба за тюркешское наследие. В результате, огузы Семиречья были вытеснены карлуками и освоили долину реки Шу, о чем свидетельствует существование их резиденции «Старая Гузия».

В начале VIII века огузы в союзе с карлуками и кимеками, в результате продолжительных войн, вытеснили кангаро-печенежский союз и захватили низовья Сырдарьи и Приуралья, тем самым открыв свободный доступ к бассейну реки Сарысу и металлургическим поселениям Жезказгана. В конце IX века, в союзе с хазарами, огузы нанесли поражение печенегам и захватили междуречье Волги и Урала.

Длительные военные действия сформировали консолидированное государственное объединение всех тюркских племен Сырдарьи и арало-каспийских степей, а также кочевников Жетысу и Сибири. Основной племенной состав Огузского государства состоял из племен халадж, жагр, чарук, карлук, имур, баяндур, кай и т. д. Всего, по Махмуду Кашгари в государстве Огузов насчитывалось 24 племени, которые делились на бузуков и учуков по 12 племен в каждой партии.

В X веке, под влиянием кимеков и кыпчаков, огузская держава раскололась на две части. Восточная часть состояла из «сегиз огузов» (найманы) и «тогуз огузов» (керей), которые во время засухи X века были вынуждены уйти в Алтайские горы и леса северо-западной части Прибайкалья. В XI веке, между Алтаем и Тарбагатаем они создали свое независимое ханство и приняли христианство несторианского толка. Западные огузы были вытеснены в современный Туркменистан, от которых позже откололись сельджуки, откочевавшие в Малую Азию.

Феодальная верхушка огузов, состоявшая из главы государства «джабгу», его заместителей кюль-еркинов и предводителей племен во главе с сюбаши, уже в VII – VIII веках оконча-

тельно решила для себя находиться в степи круглый год и, с этой целью, на берегах горных рек Улытау начала возводить вполне комфортабельные для того времени резиденции. В бассейне реки Сарысу один за другим появились дворцы, укрепленные глинобитными стенами, с характерными фланкирующими башнями и углами, направленными по четырем сторонам света. В таких крепостях Западной Сары-Арки, как Аяккамыр, Баскамыр, Хан ордасы (Аксай) были построены цитадели, что и доказывает факт применения этих дворцов круглогодично. Об этом также свидетельствует наличие древних следов пашен, которые обеспечивали жителей поселений земледельческой продукцией.

Стороннему наблюдателю за историческими процессами в Великой степи может показаться, что отсутствие на карте больших городов есть результат скудности водных ресурсов, что приводило лишь ограниченной утилизации ресурсов степи кочевыми хозяйствами. Если Торгайское плато лучше обводнено ручьями и притоками Тобола и Ишима, то скудность воды и травостоя в степях Улытау компенсировали металлургические центры Жезказган, Талдысай и другие.

Наряду с сезонным пастбищным скотоводством у огузов была высоко развита городская культура, которая в степной части основывалась на металлургии. Жезказганские рудокопы, металлурги, ремесленники и ювелиры производили продукцию, которая была основной в вопросе пополнения государственной казны.

Следы добычи золота были обнаружены К. Сатбаевым при обследовании месторождений Мык, Алтыншоки и Обалы. При исследовании месторождений древних горняков К. Сатбаев приводил первые расчёты об объёмах добытой руды и процентном содержании металла в отвалах изучаемых объектов. Этому способствовали изученные главным геологом Карсакбайского медеплавильного комбината работы английских геологов Уэста и Гарвэя.³⁷

³⁷ Сатбаев К. И. Доисторические памятники в Жезказганском районе. Народное хозяйство Казахстана. №1, с.69—72).

Древние рудокопы-металлурги. (Фото автора с экспозиционной диорамы Музея истории горного и плавильного дела посёлка Жезды).

Алькей Маргулан отмечает наиболее крупные поселения Жезказгана, как Мыйлыкудык, Айнаколь, Соркудык, Кресто-Воздвиженское (Кресто), Златоуст. Эти поселения были расположены в цепочку, с интервалом в 3—8 км, вдоль притоков рек Кенгир и Жезды. Поселения были обнаружены в виде группы ям со скоплением фрагментов керамики и орудий горного дела.

Главным и самым крупным из этих исторических памятников Жезказгана является Мыйлыкудык или, как его называло тогда местное население, Елюкудык, то есть «пятьдесят колодезцев», из-за наличия здесь многочисленных остатков медеплавильных печей в виде колодезных ям. Площадь поселения и следы производственной деятельности достигали более 10 га, состоящая из следов жилищ-полуземлянок, хозяйственных и складских помещений, а также мастерских по производству орудий труда и металлических изделий. Производственный процесс на Мыйлыкудык продолжался до позднего средневековья.

Об этом свидетельствует Абу-л Газы, который, рассказывая о территории государства огузов, пишет: *«На восток юрты огузского эля простирались до Иссык-Куля и Алмалыка, на юг – до Сайрама и гор Казыгурт-таг и Караджык-таг, на север – до гор Улуг-таг и Кичик-таг, в которых медь добывают»*. Учитывая то, что «Родословную туркмен» Абу-л Газы написал в XVII веке, можно с уверенностью закрепить за источником роль документального свидетельства о добыче меди в Жезказгане в этот период, так как о добыче меди летописец пишет в настоящем времени.

Следующим по значимости является поселение Айнаколь, расположенное в 5 км к востоку от рудника Кресто-Центр, недалеко от Никольского участка. Площадь поселения составляет около 2 га. Нижний культурный слой отражает период позднего неолита. Здесь установлены остатки восьми полуземлянок в виде прямоугольных ям, выявлены такие же остатки водосборных ям, ям кладовых, колодцев, обложенных камнями, мест разработки и обогащения руды, медеплавильных печей, как и в Мыйлыкудыке.

Не менее значимым после Мыйлыкудыка является поселение Соркудык, расположенное в 15 км севернее от поселка Жезказган и впервые исследованное А. В. Кузнецовым и Н. В. Валукинским в 1945 году. На обширной территории расположились памятники эпохи бронзы и средневековья, что свидетельствует о существовании здесь металлургии вплоть до прекращения функционирования Великого Шелкового пути. Поселению характерны сложная система водозабора с каналами и плотиной, тамбурообразные жилища с мощными каменными стенами более позднего периода. В полутора километрах от Соркудыка была обнаружена еще одна стоянка древних металлургов Таскудык.³⁸

Полуземлянки металлургических поселений Улытау. (Фото автора с экспозиции Музея истории горного и плавильного дела посёлка Жезды).

Металлургические поселения Жезказгана имеют некоторые особенные отличия от памятников Центрального Казахстана. Огромные проходки здесь достигали 750 метров в длину и 25 метров в ширину, что говорило о многовековой добыче медной руды. Поселения отличались сложной системой промышленного цикла переработки и плавления меди.

Кроме того, исторические источники говорят о наличии у огузских правителей Жезказгана большого количества золота и серебра. Это говорит об умении средневековых жезказган-

³⁸ Сейтжанов М. «Британец Карсакбай». «Издательские решения». Екатеринбург, 2018.

ских металлургов расщеплять драгоценные металлы от медной руды, то есть они умели применять методы плавания меди, которые отрабатывались на Карсакбайском медеплавильном заводе в XX веке. В то же время древние насельники знали закономерности залегания золотых жил в кварцевых отложениях вокруг Улытауских гор, то есть владели геологическими методами, применяемыми в современной науке.

В то же время, жезказганские поселения имеют много общего с другими районами Сары-Арки. Им характерно наличие таких особенностей, как мощные каменные стены полуземлянок, большие погребальные поля, шахты большой глубины и внушительного диаметра, выработки и карьеры, разносы и отвалы, большое количество медеплавильных печей, образующих, по мнению Н. Валукинского, в Мыйлыкудыке целый средневековый завод. К тому же, на поселениях ЦКАЭ обнаружило скопление шлаков, орудий труда рудокопов, плавильщиков и ремесленников.

Жезказганским поселениям характерно наличие фрагментов многочисленных хозяйственных и ирригационных сооружений, водонакопительных плотин, образующих искусственные водоёмы, которые являлись прародителями нынешних Кумолинского, Кенгирского, Жездинского водохранилищ. В комплексе Жезказганских металлургических поселений археологами выявлено большое количество ям-кладовых и водоносных колодцев.

Уже по прибытии в Жезказган Алькей Хаканович обнаружил, что такие поселения, как Кресто и Златоуст были полностью перекрыты новостройками. Дело в том, что до Второй мировой войны ни англичан, ни большевиков, во время рассмотрения вопроса о проектировании жилищного строительства, не заботила проблема сохранения археологических памятников.

Тем не менее, в целях изучения объемов медных залежей, еще до революции в Мыйлыкудыке была заложена траншея, когда были обнаружены отвал переработанной руды и горные орудия. С целью определения объемов обогащенной руды на Мыйлыкудыке, по инициативе К. И. Сатбаева, в 1939 году были заложены широкие и глубокие траншеи. Во время строительства железной дороги между нынешним поселком Весовая и ЧКМ обнаружили культурные слои этого поселения. (Маргулан А. 2011, с. 57).

Металлургические поселения были доминирующими субъектами в экономике региона и являлись главным фактором торговых взаимоотношений местных государственных образований с другими. Они были главной опорой в вопросе пополнения государственной казны. Поэтому, производство меди и торговля ею были важным объектом внимания в регионе на протяжении средневековья. По расчётам К. Сатбаева, в Жезказгане, за всё время функционирования поселений, металлургами было добыто около 1 миллиона тонн руды и выплавлено 100 тысяч тонн меди. Мастера и ремесленники отливали кинжалы, наконечники стрел и копий, предметы конской упряжи, украшения. Для отливки изделий использовались различные формы, изготовленные из камня и глины.

Теректы аулие. Шахта древних рудокопов. (Фото автора).

Торговую артерию Сарысу, которая начиналась с берегов Сырдарьи и вела в Улытау, в VIII веке взяли под свое управление огузы. Аристократия огузских тюрок расположилась в Улытау и построила себе дворцы, откуда они управляли скотоводческими хозяйствами и торговыми путями, за что получали щедрое вознаграждение в виде налоговых поступлений от купцов. Концентрация крупной казны в руках военной аристократии позволяло тюркам содержать боеспособную, сильную конницу, снабжая их всем необходимым для военных походов. Это

усилило огузов и они, в IX веке, в союзе с карлуками и кимеками, смогли разгромить кангаро-печенежский союз, что позволило им установить контроль над степями Приаралья.³⁹

В общей сложности, занимая большую часть современной казахской степи, огузы концентрировались в среднем и нижнем течении реки Сырдарья со столицей в городе Янгикент, где расположился ябгу⁴⁰. Хотя географ раннего средневековья аль-Идриси описывает города более раннего периода истории огузов без упоминания Янгикента как нового города, именно его данные о городах Улытау дали весомую почву для изысканий современных исследователей.

Кроме этого, территория огузского эля тянулась в степях между Каспийским и Аральским морями, хотя есть мнение о том, что эти моря в те времена составляли единый бассейн и являлись одним целым. Восточная часть огузского государства полностью охватывала Улытауский край и весь бассейн реки Сарысу, доходя на востоке до ее верховьев в горах Бугылы.

Жили ли огузские джабгу в Улытау или нет мы не можем знать из-за отсутствия таких сведений в средневековых летописях. Но аль-Бируни писал о том, что *«огузы в осенние месяцы кочевали в предгорьях Улытау»*. Это говорит о том, что летние кочевья огузов могли достигать предгорьев Урала и юга Западной Сибири. Но средневековые источники, в основном, засвидетельствовали присутствие огузов на их постоянных зимних поселениях и городах на берегах реки Сырдарья.

В исторической науке особо известны дворцы и города огузских джабгу в предгорьях Улытау, которые позже были унаследованы кыпчаками и чингизидами. В «Сочинениях» Алькея Маргулана (Том 8, Глава III, с. 270) насчитаны *«более десяти укрепленных крепостей, поселений и неукрепленных городов на р. Сарысу (Караагаш, Маулимберды, Карасакал, Жубан-Ана, Каип-Ата, Талмас-Ата, Аит-булак, Торткулак-Корган, Жаман-Корган, Белен-Ана, Ататеги и др.), десять в долине р. Кенгир, четыре на р. Жезды (Баскамыр, Аяккамыр, Талдысай, Жезказган), десять – у подножия гор Улытау, одно в барханах Жетыкконура (Талды-Кент)»*.

Картографическое сопоставление огузских городов выявил некоторое прояснение в вопросе географического расположения дворцов западного бассейна реки Сарысу. Время функционирования ставок относится к VIII – XI векам, согласно культурного слоя.

С. Г. Агаджанов и А. Х. Маргулан локализуют огузские городища, основываясь на географическом труде аль-Идриси. Причем Агаджанов, дешифровав текст и карту аль-Идриси, относит территорию огузских племен X века от южного Прибалхашья до низовьев Волги (Агаджанов С. 1969, с. 50). Маргулан связывает данные аль-Идриси с Улытауским регионом, бассейном Торгая и низовьями реки Сарысу (Маргулан А. 1978, с. 8).

Ж. Е. Смаилов отождествляет огузские города по результатам археологических раскопок, приводя доводы источниковедческого, географического, топонимического характера. Так, город Хиам по Смаилову отождествляется с городищем Баскамыр, города Нуджах и Бадагах – с городищами Ногербек дарасы и Хан ордасы (Аксай), а город Дарку – с городищем Домбагул.

Главными предпосылками образования дворцов и замков в раннем средневековье является расширение территории тюркской империи и формирование новой тюркской культуры. Централизация власти тюркских каганов на огромных пространствах Евразии дала большие возможности для накопления материальных ресурсов региональным правителям, что, в свою очередь, усилило центробежные силы и раскол империи на отдельные государства. В результате, произошло обособление печенегов, а потом огузов от центра и создание своего политического центра в Улытау.

³⁹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). «Дәуір». Алматы, 1993.

⁴⁰ Джабгу – глава государства Огузов.

Полная самостоятельность и суверенное распределение казны дали толчок для строительства степной аристократией дворцов и замков, ставших сегодня объектами нашего повествования.

Таким образом, на территории Улытауского региона сформировалась городская культура, особенностью которой является её предназначение в качестве ставок-орд степной аристократии. Но, прежде чем переходить к их описанию, рассмотрим природу и климат края и их влияние на хозяйственную деятельность человека.

Глава II. Природно-климатические условия для развития хозяйственной деятельности человека в Улытауском крае

В этой главе мы немного отойдем от темы, чтобы читатель, который не знаком с географическими особенностями Улытау, мог получить общее представление о характере природы, быта и хозяйственных особенностях в повествовании о дворцах и поселениях средневековья.

Улытауский регион в природно-климатическом аспекте представлен степным ареалом из маргинальных зон, которые по своему реагируют и влияют на хозяйственную жизнь человека, трансформируя его деятельность по потребностям в суровых условиях жизни. Резко континентальный климат края отличается амплитудой температуры воздуха, которая достигает 80°C. Морозные арктические антициклоны временами могут стоять от 10 до 40 дней в зимние месяцы, достигая температуры до минус 40°C, а Атлантический теплый циклон застывает и сметает все на своем пути в течении от 3-х до 10 дней за раз, периодически, на протяжении всего года, вызывая снежные бураны зимой, с характерной нулевой видимостью, и пыльные песчаные бури летом. Все эти природно-климатические условия на всей территории Евразии не претерпели своих изменений со времен галоцена⁴¹.

Мы не будем участвовать в дискуссии между исследователями по проблеме эволюционного изменения климатических условий в казахской степи, а лишь признаем закономерность цикличности колебаний увеличения и уменьшения количества осадков, потепления климата и его похолодания, влажности и засушливости, высокого травостоя и исчезновения многих видов трав. Когда и как происходили эти колебания довольно широко исследовано в научной среде, поэтому мы ограничились в нашей работе археологическими и историографическими данными.

Однако гипотеза Л. Н. Гумилева о периодичности смещения атлантических циклонов с севера на юг и обратно вполне может служить объяснением периодической цикличности смены одних государственных и этнических образований другими. Речь идет о вековой засухе, которая наступала примерно каждые шесть веков и приводила к исчезновению кочевых государств на территории современного Казахстана.

Л. Н. Гумилев это объясняет перемещением осадков в бассейн реки Волга и обратно – в бассейны рек Сырдарья, Амударья и Семиречья. В первом случае в степи происходит засуха и наполнение Каспия, а во втором – плодородие и повышение уровня Арала и Балхаша. Во время засухи, в результате долгих и изнурительных войн, в степи исчезала полноценная жизнь, а во время возвращения плодородия создавались мощные государственные объединения, такие, как сакский, тюркский, огузский, кыпчакский и монгольский империи.

Колебания погодных условий в степи имели как вековую и ежегодную, так и сезонную цикличность, влиявшей на образ жизни кочевников. Приспособляемость населения к этим колебаниям происходил на протяжении многих веков, начиная со времён Бронзового века. Духовная и материальная культура кочевников – это результат приспособления к элементам резко континентального климата: колебаниям температуры воздуха, направлениям ветра, сезонам метелей и половодья, а также влияния выпадения осадков и произрастания травостоя.

Если оседлые цивилизации больше зависели от катаклизмов, возникавших вследствие межгосударственных войн, то кочевничество находилось в постоянной зависимости от природно-климатических изменений как сезонного, так и многовекового характера. Поэтому подвижность кочевников всегда противопоставлялась неподвижности оседлых этносов. Изучение такого

⁴¹ Масанов Н. Э. «Кочевая цивилизация казахов». «Горизонт». М. 1995.

состояния кочевников привело к оформлению Л. Н. Гумилёвым новой научной дисциплины как «Историческая география».

Высокая солнечная радиация, сильный перегрев почвы и скудность осадков в летнее время, а также резко-континентальность климата исключали возможность развития на широких просторах Улытау нескотоводческих видов хозяйства, за исключением небольших очагов земледелия вокруг ставок-орд властной верхушки социума и поселений металлургов на берегах рек Улькен Жезды и Жыланды. На небольших земледельческих участках выращивали твердые сорта зерна пшеницы, ржи и ячменя, а металлурги добывали медь, железо, марганец, олово, свинец и занимались их переработкой и плавкой, расщепляли из меди золото и серебро.

Скотоводческие хозяйства располагались на всем протяжении степных просторов Улытауского края, достигая бассейна реки Есиль и южных лесов Западной Сибири, преимущественно мигрируя с апреля по конец ноября. Зимний выпас скота был возможен только в южных отрогах гор Кишитау, а севернее тех мест, где толщина снега превышала 30 см, выпас скота был невозможен, так как овцы могут самостоятельно тебеневать лишь на глубине снега в 10—20 см, а лошади – 30—40 см. (Масанов Н., 1995). Хозяйства максимально использовали ресурсы скота в производстве и переработке мясо-молочных изделий, шерсти, а также использования в качестве тяглого транспорта. *«Кочевничество – одно из наиболее рациональных способов природопользования и утилизации скудных ресурсов засушливых регионов, занимающих почти четверть всей земной поверхности»*.⁴².

⁴² Масанов Н. Э. «Кочевая цивилизация казахов». «Горизонт». М. 1995.

Профессор Масанов Н. Э. (Фото: kz. expert).

Основная часть Улытауской степи в зимнее время пустела, за исключением поселений металлургов и дворцов властной элиты, которые круглый год находились на стационарном положении и занимались придомным скотоводством вблизи ставок-орд. Зимой здесь оставляли небольшое количество скота на пропитание, а остальные стада отгоняли на южные просторы Улытау – в пески Каракума и Бетпак-Далы. Содержание скота в загонах поселений в зимнее время было возможным лишь с обеспечением работ по заготовке сена и кормов.

Трансформация материальной культуры вынуждала политические центры возводить дворцы и поселения для концентрации в них нетранспортабельных для кочевания предметов, как металл, керамика, стекло. Все эти предметы были обиходом этих поселений в то время, как «специалисты» кочёвок по пастбищам избавлялись от всего этого, постепенно заменяя предметы первой необходимости легкими материалами из кожи, шерсти, дерева, удобных для навьючивания на лошадь или верблюда и поддающихся быстрой сборке и разборке, такие как юрта, мебель и кожаная посуда.

По сравнению с Монголией, где кочевание происходит круглый год из-за возвышенности монгольских степей в 1500 м над уровнем моря, плотное и равномерное залегание снега не позволяло скотоводам Улытау пасти скот круглогодично. Поэтому, хозяйства локализовались в стойбищах или в южных просторах, где концентрировались постоянные зимовки.

Что касается маршрутов сезонного кочевания, то следует отметить закономерную аналогичность миграции диких животных, таких, как сайгаков, джейранов, куланов, диких лошадей и т.д., с передвижением скотоводческих хозяйств по сезонным маршрутам. Доказательством

данному факту может служить меридиональное направления основных кочевий. (Масанов Н. 1995). Поэтому, можно однозначно отметить важную роль охоты и ее влияния на переход степных пастушеских хозяйств времен андроновской культуры к кочевому скотоводству. Кочевые маршруты Улытау формировались по путям миграции диких животных, что в последующем приводило к их физическому вытеснению, освобождая пастбищные угодья для домашнего скота. Дикие животные могли спастись только в тех местах, где отсутствовали кочевые хозяйства.

Тем не менее отношение к диким животным в средневековье кардинально отличалось от современных реалий. В Улытау уже нет того изобилия дичи, которое описывает Хафиз-и Таныш Бухари в «Книге шахской славы», в главе «Прибытие воинственного хакана на берег реки Сарык-Су»: *«Повелитель [«Абдаллах-хан], величественный, как небо, поднялся на вершину той горы и окинул взором бескрайний простор, длину и ширину которого знает [только] господь. [Хан] стоял [здесь] в тот день до полуденного намаза и направил свои помыслы на то, чтобы войны собрали много камней и построили в этой высокой величественной местности высокую мечеть, чтобы на страницах времени запечатлелась память о высоких деяниях и славных делах того могущественного падишаха, подобно тому, как государь, чье место в раю, полюс мира и веры Эмир Тимур-курэкан, милость и благословение над ним, во время похода против Тохтамыш-хана дошел до Улуг-Тага, в течение одного дня на вершине его поднимал знамя стоянки и приказал славному войску собрать много камней с окраин и воздвигнуть сооружение, напоминающее минарет. Каменотесы начертали [на нем] дату пребывания его величества в этой местности.»*⁴³

В это время в благословенном сердце могущественного государя возникло желание наслаждаться охотой. Хакан, властный, как небо, охраняемый милостью и помощью творца, отправился на охоту...

Короче говоря, в этих степях было убито [букв. «собрано»] столько дичи, что мусульманское войско при скудности пищи отобрало только жирную, оставив нежирную. Среди разных видов газелей [воины] обнаружили [здесь] таких газелей, которые ростом больше буйвола. Монголы (могул) называют их кандагай, а жители Дашта именуют булан [т. е. лось]. Победоносное войско получило большое удовольствие от мяса дичи.»

⁴³ Речь идет о местности Алтыншоки, где на века эмир Темир, целенаправленно разрушавший государственную систему чингизизма, запечатлел свое прибытие в Улытау во время его похода против хана Улуг Улуса Токтамыш, которого на плите назвал «булгак» ханом, то есть мятежным или отказавшимся выполнять его линию и продолживший усиление государства по «Ясы» Шынгис хана. На вершине Алтыншоки (Золотая возвышенность) был воздвигнут курган из камней и на плите высечена надпись, повествующая об этом походе. Плита была найдена в 1930-х годах Канышем Сатбаевым и в 1936 году за этой плитой в Карсакбай приехал научный сотрудник Эрмитажа Морозов, который увез ее в Ленинград. Алтыншоки еще известен тем, что Сатбаев обнаружил здесь два участка золоторудного месторождения. В результате геологических разведок, произведенных в 1933 году, были выявлены 205 кварцевых жил, которые характерно для Улытау содержали золото. Два участка делит река Жетыкыз. Северный участок состоит из небольших кварцевых жил, длина которых не превышает 120, а ширина 2 метров. Более мощным является южный участок, который состоит из пиритных, халькопиритных и кварцевых жил, где выявлено 13 золотоносных жил общей длиной 421 метр.

Сцена охоты. Нарсайские петроглифы. (Фото автора).

Как видно из текста, средневековые охотники тоже не отличались рациональностью, но наличие таких диких животных, как лось, говорит о кардинальном изменении в их поголовье в современный период. Тем не менее, процесс вытеснения животноводством диких животных из их среды обитания начался с возникновением кочевого скотоводства. По мере увеличения поголовья скота уменьшалась и численность дичи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.